

И. Ф. Ковалева

Е. Н. Опочинин – творческая личность «второго плана» в культуре рубежа XIX–XX вв.

Выполнено по материалам Российской научной конференции «Творческая личность – 2014: поступок и образ»

В статье рассматривается концепт «человек второго плана», понимаемый как личность, значимая для истории культуры, но не совершающая революционных открытий, не выходящая за пределы ментальных установок эпохи. Исследование биографий и индивидуального наследия персон второго плана актуально в рамках реконструкции идейно-смысловых, культурных, социальных аспектов определенной исторической эпохи, а также осмысления проблемы личности в культуре. В сфере научного и интеллектуального творчества самоидентификация личности второго плана часто связана с возникновением кризисной ситуации, которая разрешается либо отрицательно (острые переживания, депрессия), либо положительно (принятие собственного «я»). Автор статьи рассматривает деятельность Е. Н. Опочинина – писателя, журналиста, историка, театроведа, коллекционера рубежа XIX–XX вв. В статье репрезентируются основные сферы деятельности Опочинина, особенности его индивидуальности, приводятся оценки его творчества современниками и исследователями, рефлексия самого писателя. Анализ этих разнообразных данных позволяет сделать вывод о том, что деятельность Опочинина может служить примером позитивного конструирования социокультурной идентичности и выстраивания в соответствии с ней логики поступков и творческих актов, то есть рождения жизненного образа, вписывающего Опочинина в контекст эпохи и культуры в целом, – образа летописца, собирателя и хранителя культурных ценностей.

Ключевые слова: личность второго плана, Е. Н. Опочинин, социокультурная идентичность, жизненный образ, трансляция культурных ценностей.

I. F. Kovaliova

E. N. Opochinin – a Creative Person of "the Second Plan" in Culture at the Turn of the XIX–XX centuries

This article considers the concept "person of the second plan" as significant for the history of the culture individual who didn't commit revolutionary discoveries, without departing from the mental attitudes of the epoch. The study of biographies and personal heritage of the second plan is relevant in the reconstruction of the ideological and semantic, cultural and social aspects of a particular historical epoch, as well as understanding of the problem of personality in culture. In the field of scientific and intellectual creativity the self-identification of the second plan is often associated with the emergence of the crisis, which is solved either negatively (acute feelings, depression) or positively (acceptance of their own "Self"). This article considers E. N. Opochinin's action as a writer, a journalist, a historian, a researcher, an antiquarian at the turn of the XIX–XX centuries and opinions of contemporaries, researchers, and of himself about his works. The analysis of these various data suggests that the Opochinin's activities should serve as an example of the positive socio-cultural identity of designing and building and due to the logic of its actions and creative acts, i.e. the birth of the life image which includes Opochinin into the context of the epoch and culture as a whole – the image of the chronicler, collector and guardian of cultural values.

Keywords: a person of the second plan, E. N. Opochinin, sociocultural identity, a life image, broadcast of cultural values.

Культура – сложное единство, пространство ее создается людьми разного плана, в разной степени выдающимися, обнаруживающими разную меру активности, таланта, эффективности. Для современной истории культуры характерен интерес к человеку второго плана. Этот концепт

в последнее время активно разрабатывают отечественные исследователи.

В процессе научного диалога конкретизируется содержание и значение этого концепта. По А. В. Кореневскому, человек второго плана – это личность «незаурядная, но не претендующая на

движущую роль в истории, не обгоняющая время, но, тем не менее, как никто другой отражающая в делах и мыслях основные коллизии своей эпохи» [3]. Тем же исследователем с группой соавторов было дано и более полное определение персон второго плана: «Это акторы, действующие лица истории, которых современники сочли достойными упоминания в анналах, но которые не воспринимались в качестве “творцов истории”»; которые в силу сознательного выбора или суммы обстоятельств не оказались на исторической авансцене, но сохранили свой персональный “голос” (наличие эго-документов) и/или свой визуальный образ. В этом их принципиальное отличие от лиц “третьего плана” (исторического фона, единиц социального ландшафта) – безымянных, вербально и визуально не представленных как индивиды» [5].

Помимо содержательной стороны концепта, уточняется и статус проблематики, актуальный в рамках культурологических исследований и последних тенденций исторической науки: «Новая биографическая история, поставив во главу угла анализ деятельности индивида, индивидуального сознания и самосознания, личного интереса и целеполагания, помогает, в конечном счете, ответить на вопрос, каким образом и в какой степени унаследованные культурные традиции, обычаи, представления, определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а тем самым и весь ход событий и их последствия) и какую роль играли в этих границах индивидуальный выбор и инициатива. В результате веками устоявшаяся форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием, их предметное поле существенно расширилось, а «номенклатура» неизмеримо выросла за счет жизнеописаний людей, которые выступали как реальные агенты, акторы, то есть *действующие лица* истории, но отнюдь не на главных ролях и не могут быть формально причислены к выдающимся историческим деятелям» [8].

В творческом ракурсе человек второго плана может мыслиться не просто как типичный представитель определенной социальной среды, но как личность с явными признаками уникально-персонального свойства и со специфическим способом коммуникации с культурным окружением.

Творческая личность второго плана – предмет изучения, дающий исследователю представление как о характерных способах конструирования

идентичности, так и о культурных тенденциях и потребностях общества, ментальных установках эпохи.

В среде интеллектуальной и творческой элиты всегда существовала проблема ранжирования, деления на «гениев» и «ремесленников», творцы второго плана, даже самые востребованные, зачастую внутренне, подспудно ощущали себя «поденщиками» в искусстве. Априори закономерно возникновение у них потребности в оправдании своего творчества, придании ему смысла. В истории культуры существуют примеры как отрицательного, так и положительного сценария разрешения данной проблемы. В первом случае результатом становится острый конфликт между образом успешного, преуспевающего творца и внутренним ощущением беспомощности, никчемности, бездарности (комплекс Сальери). Во втором – претворение в жизнь моделей, образов, мифов, которые помогают персоне второго плана легитимировать свою деятельность, придать ей значение, вписать ее в культурный контекст эпохи.

С другой стороны, творческая деятельность предполагает наличие круга реципиентов, на которых автор изначально ориентируется (в отличие от, например, дневниковых записей, писем, воспоминаний). Многие творцы второго плана при жизни были вполне состоявшимися, успешными, востребованными (будь то салонные живописцы или музыканты, средней руки актеры или писатели-беллетристы). Улавливая настроения и запросы массового зрителя, слушателя, читателя, они умело (и, как правило, интуитивно) вписывали в эти рамки свое творчество, их муза имела чуткий слух и способность соответствовать ожиданиям, создавать творения популярные, пользующиеся спросом. Поэтому анализ их творчества – это всегда потенциальное исследование публики, которой оно адресовано. Напротив, выдающиеся личности, фигуры первого плана, чье творчество слишком отличалось от представлений о привычном, нормальном, часто умирали в нищете и безвестности, намного опережая свой век и оставаясь непонятыми.

Инвариант позитивного конструирования социокультурной идентичности и выстраивания в соответствии с нею логики поступков и творческих актов раскрывается при изучении жизненного пути и наследия уроженца Ярославской губернии, популярного в свое время столичного литератора Е. Н. Опочинина (1858–1928). Писатель и журналист, археограф и историк, фольк-

лорист и коллекционер Евгений Николаевич Опочинин – персона забытая, сегодня его имя мало известно даже на ярославской земле. Но сохранилась значительная часть его литературного и эпистолярного наследия, исторические, театроведческие исследования, фрагменты собраний им коллекций русского фольклора и предметов старины.

Круг интересов Опочинина был типичен для некоторых представителей дворянской интеллигенции XIX в. с ее тягой к русской истории и культуре. Евгений Николаевич начал свою столичную карьеру в 1879 г. хранителем библиотеки и музея Общества любителей древней письменности, был первым исследователем книг и рукописей из их собраний. Он участвовал в разборе «Остафьевского архива» (фамильный архив трех поколений рода князей Вяземских), архива Шереметьевых, литературного архива С. А. Соболевского, близкого знакомого А. С. Пушкина. Опочинин был настолько увлечен этой деятельностью, что посвящал ей все свободное время. Впоследствии он напишет об этом в воспоминаниях: «Не прошло и двух месяцев моей работы в музее, как Павел Петрович <Вяземский> пригласил меня заниматься в его семейном Остафьевском архиве, сосредоточенном, то есть, попросту говоря, без всякого порядка сваленном, в целом ряде низких шкафов у него в столовой. Вот здесь-то я и стал заниматься по вечерам. Я приходил часов около 8-ми и всегда заставал Вяземского в этой столовой, в углу, в креслах у письменного стола, на котором горели 4 свечи в высоких шандалах. <...> Так сидели мы вдвоем в этой большой комнате – столовой, каждый за своим делом – Вяземский за чтением, а я за разборкой интереснейших бумаг его архива. Это были тихие и прекрасные для меня вечера интересной и даже, можно сказать, образовательной работы. Я знакомился с людьми, о которых раньше столько слышал и читал, по их собственным письмам к друзьям и родным, как бы в их интимной жизненной обстановке, и они превращались передо мной в живые образы. Я представлял себе ясно Пушкина, Боратынского, Веневитинова, Лермонтова, семью Карамзиных, Жуковского, Россет-Смирнову, Дениса Давыдова, Пушина, Кюхельбекера, братьев Бестужевых и других...» [1].

Такое начало карьеры, очевидно, определило вектор развития всей профессиональной деятельности Опочинина, который будет всегда стремиться к достоверности, убедительности,

искренности, точности повествования. Работа с подлинными документами, позволяющими ощутить живое дыхание ушедшей эпохи, вероятно, актуализировала в сознании Опочинина представление о высшей ценности культуры, ее созидательной и воспитательной роли для человека.

Это стало и началом формирования социокультурной идентичности, явленной в *жизненном образе*, считываемом в разнообразных сферах его интеллектуального творчества, – образе хранителя, собирателя, коллекционера, архивариуса, летописца. Главным *поступком* его жизни станет собирание и сохранение для будущих поколений фрагментов исторического и духовного наследия.

Молодой Опочинин с жадностью впитывает все подробности культурной жизни Петербурга. Он становится постоянным посетителем литературных салонов А. П. Милюкова и Я. П. Полонского, знакомится с писателями, историками, театральными деятелями, вступает со многими из них в переписку и дружеское общение, собирает большую коллекцию автографов. В мемуарных записях Опочинина образно и детально описаны встречи с Ф. М. Достоевским, А. Н. Майковым, В. В. Крестовским, Д. В. Григоровичем, С. Н. Терпигоревым, Г. П. Данилевским и др. Об этих воспоминаниях впоследствии напишет В. Д. Бонч-Бруевич: «...все материалы Опочинина являются именно документами. Нельзя забывать, что они принадлежали Опочинину, одному из редких людей своей эпохи по точным записям своих бесед с современными ему писателями» [2].

С 1883 г. начинается литературная и редакторская деятельность Опочинина: он в течение девяти лет исполняет дела редактора внутреннего отдела газеты «Правительственный вестник», одновременно публикует исследовательские материалы и художественную прозу в журналах «Исторический вестник», «Русский вестник». На основе анализа архивных источников Опочинин пишет исторические очерки, посвященные боярскому и дворянскому быту, зарождению и развитию русского театра, усадебной культуре, частным коллекциям. «В одних своих работах он предстает как профессиональный исследователь, ученый, в других как талантливый бытописатель. Опочинин умел зримо и ярко воскресить картины минувших лет и современной жизни российской глубинки, где еще стоят старинные усадьбы, где доживают свой век люди гоголевского времени, в комнатах висят портреты предков и стоит старинная мебель, а на чердаках и в сараях

можно обнаружить совершенно невероятные вещи, уже лет сто никому не нужные» [6].

В начале 1890-х гг. Опочинин совершает ряд путешествий по России, собирая этнографический материал: записывает песни, легенды, сказки, обычаи, покупает старинные книги, ремесленные изделия, произведения искусства. Коллекционирование становится его страстью, часть вещей он перепродает, наиболее любимые оставляет в своей усадьбе Максимовское Ярославской губернии. «Разумеется, коллекционерскую деятельность Опочинина не следует идеализировать. Она характерна для коллекционеров-любителей XIX в., собиравших раритеты без большого внимания к их систематизации; в ней сложно увидеть подлинную научность. Может быть, это усугублялось тем, что Евгений Николаевич был в первую очередь все же литератором. Тем в большей степени на его коллекции должны были сказаться личные вкусы и пристрастия владельца» [7]. Собранные Опочининым образцы русского фольклора были изданы им в виде нескольких сборников [9].

Постепенно основной деятельностью и источником дохода для Опочинина становится литературное творчество: он приобретает все большую популярность в качестве автора небольших повестей, очерков и рассказов, которые выпускает отдельными книгами и публикует на страницах периодических изданий. В основе опочининской прозы лежит аксиологическая система православия, его положительные герои несут в себе идеи милосердия, сострадания, толерантности, непротivления злу насилием. Сам писатель, по воспоминаниям современников, отзывался о своем творчестве критично, но одновременно защищал и оправдывал его: «Разве мы настоящие писатели... Мы только удобительный материал для будущих щедрых литературных урожаев. Мы, конечно, вносим свою лепту в общее развитие литературы. Вклад наш, вероятно, не особенно значителен, и вряд ли позднейшие поколения станут его внимательно рассматривать и тем более изучать, но мы все-таки его делаем, и делаем искренне, добросовестно и с хорошими, чистыми намерениями. Может быть, своей работой мы в какой-то мере отвечаем на настоящие литературные запросы общества. Мне обидно слышать, что мы только поставщики чтива и больше ничего. Мне через мои писания хочется научить читателей быть добрей, честней, чище, благороднее! Я к этому стремлюсь всеми силами и возможностями. Другое дело,

насколько мне и моим друзьям-писателям это удастся, но я пишу честно» [4].

Опочинин в своей творческой, исследовательской деятельности, жизненной парадигме воплощает образ собирателя, хранителя, аккумулирующего предметно-бытовые, идейные, ценностные артефакты культуры для последующих поколений. Эксплуатируемый им образ – не первооткрыватель, не революционер, а консерватор, хранитель. Это воплощается в его интересах: сотрудник архива (изучение и передача последующим поколениям письменных источников), коллекционер (собрание и хранение артефактов культуры), собиратель фольклора (спасение уходящей устной народной традиции), автор сентиментально-реалистической прозы (сохранение и ретрансляция моральных ценностей, говора, истории), историк (фиксация фактов из истории), культуролог (описание быта, нравов, обычаев, привычек, духа уходящей эпохи). Образ летописца, хранителя, отражается во всей его деятельности, будь то исследование «Из истории древнего Египта» или исторический авантюрный роман «Приволжские дьяволы» (запечатлевающий нравы современного ему купечества).

Вероятно, именно в этом он видел основное свое предназначение, в соответствии с которым выстраивал, осознанно или нет, логику своей жизни и деятельности. И мораль в его произведениях – не выстраданная, а данная обычаем, отсюда типичные для его рассказов богомолья, службы, христосования, коллективные прозрения. Он обращается к моральным устоям нации, которые на уровне инстинкта и повседневного опыта видит и чувствует как часть ментальности русского народа и пытается сохранить путем художественного осмысления в своих рассказах эту важную для него, значимую и ценную часть национального характера, как сохраняет шкаф из пряничных досок, старинные евангелия и редкие свитки. Духовность, милосердие для Опочинина – такие же артефакты, которые нельзя утрачивать. И он делает все возможное для их сохранения. Опочинин осознает и позиционирует себя как персону второго плана, но старается в этом качестве быть полезным. Стать частью культуры, ретранслятором ее идей – такова его цель. Отыскивая старинные рукописи, Опочинин надеется, что кто-то из потомков в свое время так же найдет на запыленной полке его рассказ или исследование и бережно сохранит для последующих поколений, откроет для себя важные культурные ценности и духовные смыслы.

Библиографический список

1. Воспоминания Е. Н. Опочинина. Публикация Е. В. Бронниковой // Встречи с прошлым. Сборник материалов ЦГАЛИ СССР. – Вып. 7. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 36.
2. Корневский, А. В. Неукротимый ерисиарх (Штрихи к портрету Н. С. Ильина) // Человек второго плана в истории. – Вып. 1 / Отв. ред. Н. А. Мининков – Ростов н/Д., 2004. – С. 80.
3. Лобанов, В. Столешники дяди Гиляя. – М., 1972. – С. 38.
4. Мининков, Н. А., Корневский, А. В., Ива-неско, А. Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы: сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории» / Отв. ред. Л. П. Репина. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 23.
5. Овсянников, С. Н. Личность писателя Е. Н. Опочинина (по матер. собр. Рыбинского музея-заповедника и иных коллекций) // XII Золотаревские чтения : матер. науч. конф. – Рыбинск, 2008. – С. 115.
6. Овсянников, С. Н. Художественная коллекция в Максимовском – усадьбе Евгения Николаевича Опочинина // Опочининские чтения : матер. науч. конф. Вып. 9–10. – Мышкин, 2002. – С. 97.
7. Репина, Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы : сборник научных статей. Серия «Человек второго плана в истории» / Отв. ред. Л. П. Репина / Общество интеллектуальной истории, Южный федеральный университет. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 6–7.
8. Русские народные сказки: по новым записям. – М., 1913.
9. Сборник детских народных песенок, стихотворений, прибауток и прочее. – М., 1913.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vospominaniya E. N. Opochinina. Publikacija E. V. Bronnikovoj // Vstrechi s proshlym. Sbornik materialov CGALI SSSR. – Vyp. 7. – M.: Sovetskaja Rossija, 1990. – S. 36.
2. Korenevskij, A. V. Neukrotimyj erisiarh (Shtrihi k portretu N. S. Il'ina) // Chelovek vtorogo plana v istorii. Vyp. 1 / Otв. red. N. A. Mininkov – Rostov n/D, 2004. – S. 80.
3. Lobanov, V. Stoleshniki djadi Gil'jaja. – M., 1972. – S. 38.
4. Mininkov, N. A., Korenevskij, A. V., Iva-nesko, A. E. Chelovek «vtorogo plana» v kontekste sovremennoj istoriografii: pjat' let spustja // V teni velikih: obrazy i sud'by: sbornik nauchnyh statej. Serija «Chelovek vtorogo plana v istorii» / Otв. red. L. P. Repina. – SPb.: Aletejja, 2010. – S. 23.
5. Ovsjannikov, S. N. Lichnost' pisatelja E. N. Opochinina (po mater. sobr. Rybinskogo muzeja-zapovednika i inyh kollekcij) // XII Zolotarevskie chtenija : mater. nauch. konf. – Rybinsk, 2008. – S. 115.
6. Ovsjannikov, S. N. Hudozhestvennaja kollekcija v Maksimovskom – usad'be Evgenija Nikolaevicha Opochinina // Opochininskie chtenija : mater. nauch. konf. Vyp. 9–10. – Myshkin, 2002. – S. 97.
7. Repina, L. P. Ot istoricheskoy biografii k biograficheskoj istorii // V teni velikih: obrazy i sud'by : sbornik nauchnyh statej. Serija «Chelovek vtorogo plana v istorii» / Otв. red. L. P. Repina / Obshhestvo intellektual'noj istorii, Juzhnyj federal'nyj universitet. – SPb.: Aletejja, 2010. – S. 6–7.
8. Russkie narodnye skazki: po novym zapisjam. – M., 1913.
9. Sbornik detskih narodnyh pesenok, stihotvorenij, pribautok i prochee. – M., 1913.